

Валентин ОСКОЦКИЙ

ПУТИ К ИСТИНЕ

К 60-летию со дня рождения
Даниила ГРАНИНА

1.

В мае этого года журналистские пути-дороги привели меня в «столицу» Южной Якутии, в центр создаваемого там территориально — производственного комплекса — город Нерюнгри, который совсем недавно именовался еще поселком и потому до сих пор даже не значится на географических картах страны. Книжный магазин, размещившийся в одном из двухэтажных деревянных домов, я распознал по толпе людей перед высоким крыльцом. «Что дают?» Вопрос прозвучал если и не совсем легкомысленно, то достаточно праздно, и ответом на него было молчание. Пришлось представиться, объясниться. Оказалось, что очередь собирается впрок, раз в неделю, на перекличку: ждут, когда будет объявлена подписка на четверехтомник Даниила Гранина. Пока все это мне разъясняли, выкликали семидесятые номера...

«Если книгу не стоит читать два раза, то ее вовсе не стоит читать», — вспомнилось из «Искателей». И тут же подумалось: большинство людей в очереди хотя бы прочтешь гранинские романы, повести, рассказы самое малое во второй раз.

Сам я перечитывал «Искателей» не так давно. Захотелось перепроверить себя, свое радостное ощущение открытия, остро пережитое в далекие студенческие годы, когда мне впервые запомнилось это писательское имя — Даниил Гранин. Так получилось тогда: рассказа «Вариант второй», публикация которого в «Звезде» (1949 год) ознаменовала приход Даниила Гранина в литературу, я не читал. Не знал и повестей, предшествовавших роману «Искатели», — «Спор через океан» (позднее — «Победа инженера Корсакова»), «Ярослав Домбровский» (в новой редакции — «Генерал Коммуны»). Мое, да и не только мое, наверное, узнавание Даниила Гранина началось поэтому с «Искателей».

В среду тогдашних литературных героев гранинский Андрей Лобанов, угловатый и резкий, ворвался не менее шумно, стремительно, чем в застоявшуюся дремотную скуку своей лаборатории. Все в нем было порыв и напор, энергия и воля, деятельная жажда творчества. И все оборачивалось вызовом. Не только кости и рутине, потребностям и приспособленчеству, с которыми он воевал на страницах романа. Но и сложившимся в литературе беллетристическим штампом, благонадежным стереотипам...

Взрывчатая полемика с пресным, унылым жизнеподобием начинала у Даниила Гранина всю образную ткань повествования. «...Меня занимал не столько прибор, сколько те, кто его делал», — скажет он впоследствии. Демонстративная праведность Андрея Лобанова была бы писателем нестерпима так же, как отвратительное злодейство его противников. Правота и неправота нередко менялись в романе местами. К своему научному открытию — созданию локатора — герой шел через ошибки и поражения. И не только наставлял коллектив лаборатории, но и сам у него учился. Равным образом и коллектив не был заведомо прав всегда и во всем, не только воспитывал своего руководителя, но нередко заблуждался как вместе с ним, так и независимо от него.

«Жизнь ученых — материал неподатливый. Она отличается скрытностью чувств, невидимыми, да и малопонятными миру слезами и восторгами... Когда пишешь об этом, важнее не что создано, а как, сам процесс творчества. Он привлекал меня романтикой, растворенной в самой что ни на есть монотонной черной работе».

В какой мере подтверждают «Искатели» это признание писателя, сделанное спустя годы? Вопрос, на который хотелось ответить, беспристрастно перечитав роман сегодняшними глазами.

Мало сказать, что он выдержал испытание временем, да каким — в четверть века — временем. С расстояния прошедших лет и в перспективе всего писательского творчества многое в романе открылось заново, увиделось лучше, полнее и глубже, чем представлялось раньше, при первом чтении. Здесь завязка ряда сквозных тем, конфликтов, характеров, которые возникнут затем в других романах и повестях Даниила Гранина. Истоки нравственного максимализма в требовательном отношении героя к жизни, людям, самому себе, который вслед за Андреем Лобановым обретет Игорь Маликов из романа «После свадьбы» и целеустремленно проявит Сергей Крылов в романе «Иду на грозу». И здесь же безошибочное предощущение тех больших социальных, острых нрав-

тель, чья повесть создана якобы в соответствии с «железной логикой» рационализма и потому несет на себе «печать рационалистичности».

Подозрение тем более несостоятельное, что, первооткрыватель НТРовского материка в литературе, Даниил Гранин был одним из тех первых чутких к жизни писателей, кого всерьез потряс, встревожил своеобразный этический прагматизм так называемого «делового человека». В романе «Иду на грозу» его исповедует как свою нравственную программу Олег Тулин, в повести «Эта странная жизнь» — некий «тридцатилетний кандидат технических наук, начальник лаборатории телеуправления НИИ номер такой-то». Для последнего и похороны близких всего лишь устаревшая церемония, нерациональная процедура: слезами горю не поможешь. Верно, не поможешь, да только оторопь берет от такого бездушного знания. Не образец ли это ума, зашедшего за разум? И не довод ли в пользу писательской мысли о том, что и в современную эпоху НТР, как и во все предшествовавшие ей времена, не «машинность» сама по себе страшна человеку, а бездушность? Если, например, Чижегов из повести «Дождь в чужом городе» оказывается на поверку человеком с невысоким нравственным потенциалом, то решительно нет оснований призывать за это к ответу нынешний прогресс науки и техники: задолго до него похожую разбросанность, суетность неглубоких, малых и мелких чувств обнаружил в себе тургеневский герой, ставший нарицательным типом «русского человека на randevu». Говоря иначе, «постыдно для духа бояться научного рационализма. Если уж на то пошло, не машинность надо стелкать с духом, а рабский дух с высоким духом. Дух, обогащенный знаниями, работой мысли, свободен от порабощающей власти машинности», — настаивает Даниил Гранин.

Духовная цельность, нравственная высота ученого, социальная содержательность поня-

Земли, души людей не улучшатся...

Если верно, что у каждого человека в жизни «есть несколько несбывшихся биографий, набор случайно несостоявшихся судеб», как говорится об этом в «Повести об одном ученом и одном императоре», то он все же идет своей единственной тропой, знает только свой собственный вариант. И отвечает перед собой и другими не просто за то, как прожил, но и как изначально выбрал. Потому и сложны ведь нравственные задачи — «вообще самые сложные», — догадывается Кузьмин в повести «Однофамилец», — что они непременно предполагают «выбор: что лучше — как поступить — кто прав». Перед лицом же этого выбора всегда «кто-то должен» — очень гранински звучит это название одной из повестей — идти на грозу, жить на редкость «открытой жизнью», быть первым, жертвовать, рисковать, брать на себя ответственность, принимать самостоятельные решения.

Если не я, то кто же, если не сейчас, то когда же...

3.

И еще одно прозрение в той же повести «Однофамилец»:

«В последнее время он все явственнее ощущал эту преемственную связь, уходящую от него в глубь прошлого. Существовала и другая ветвь, направленная в будущее...».

В духовном климате гранинской прозы, в системе ее нравственных координат и ориентиров человеческой памяти неослабному чувству истории, связи времен принадлежит ведущее место. Что из того, если прошлое уже не переделать? Конечно, переделать нельзя, но передумать то можно...», — заявляет «наш комбат».

«Наш комбат» и «Прекрасная Ута» ознаменовали прямой выход Даниила Гранина к истории Великой Отечественной войны. Не академической, многотомной, «которую пишут военные специалисты и историки», а к истории «душевной нашей жизни в годы войны — как мы жили, как мы воевали, что думали, что чувствовали, как менялись мы и наши чувства». Одной из самых драматических страниц вошла в эту духовную историю войны трагедийная и героическая судьба Клавдии Вилор, символизировавшая для писателя стойкость, мужество и убежденность всего ее поколения.

Об истоках победы над фашизмом и неоплатной ее цене говорят и опубликованные главы «Блокадной книги», создаваемой Даниилом Граниным и Александром Адамовичем, книги памяти о беспримерном в истории подвиге города-героя, эпиграфом к которой могли бы стоять слова, рожденные в Ленинграде и сказанные о ленинградцах: «Никто не забыт и ничто не забыто».

Думается, что именно мотиву памяти, увлеченно развиваемому от произведения к произведению, обостренному чувству связи времен Даниил Гранин обязан ныне новаторским созданием повести особой жанровой структуры. Раскованной по форме, ассоциативной, исповедальной, лирически озвученной и в то же время насыщенной спором, полемикой повести-эссе, путевой («Месяц вверх ногами», «Прекрасная Ута»), исторической («Повесть об одном ученом и одном императоре», «Размышления перед портретом, которого нет»), философской («Дава лика», «Священный дар», «Обратный билет»). Личность повествователя выступает в ней на передний план и значит не меньше, чем личность героя, а сюжет направляется не столько развитием внешних событий, сколько внутренним самодвижением авторской мысли. «Звездный свет вечности» падает на самые «мелкие подробности жизни», проникновенные раздумья о духовных заветах, творческих уроках Пушкина или Достоевского соседствуют с мастерским живописанием ленинградских «коммуналок» 20—30-х годов. А на пересечении, скрещении того и другого высветляется масштабная, широкозахватная мысль о человеке во времени и времени в человеке...



Даниил ГРАНИН на Волгоградском тракторном заводе.

Фото В. ШАГОВА

ственных проблем, которые со всей очевидностью выдвинула эпоха научно-технической революции. «Искатели» и «Иду на грозу» стали в нашей прозе теми первыми романами, которые предугадали, предвосхитили их задолго до того, как понятие «НТР» прочно вошло в философский, экономический, социологический и даже эстетический, литературоведческий обиход.

2.

Вошло, конечно же, по-разному. Иногда даже как поругание. «Апостол научно-технической революции» или, что то же, технической универсализации жизни, которая грозит универсализацией духовной, — довелось прочесть у Ю. Селезнева «Вечное движение», «Современник». 1976) о гранинском Николае Сомове, одном из двух спорщиков-антиподов, глазами которых увидена Япония в повести «Сад камней». И не только о Сомове: поставленный на место героя, таким же «апостолом» вслед за ним оказался вскоре и сам писа-

тель долга, совести, чести — вот то главное, что последовательно и убежденно поэтизирует писатель, воссоздавая атмосферу научного поиска, прослеживая многотрудные пути к открытию и познанию истины, которыми идут его герои, — и вымышленные, как Андрей Лобанов или Сергей Крылов, и исторически подлинны, как Араго, Василий Петров, Любичев, Курчатов. «Научная работа Игоря Курчатова и Роберта Оппенгеймера, вероятно, сравнима, но людей всегда будет привлекать благородный подвиг Курчатова, и они будут задумываться над мучительной трагедией Оппенгеймера. Среди высших созданий человека наиболее достойные и прочные — нравственные ценности», — размышляет Даниил Гранин. И так ставляет говорить о том же одного из бескорыстных рыцарей науки в романе «Иду на грозу»:

«Что, по-вашему, отличает людей от животных? Атомная энергия? Телефон? А по-моему, нравственность, фантазия, идеалы. От того, что мы с вами изучим электрическое поле